
Knjaz' V. P. Meščerskij i Aleksander III (istorija odnoj družby).

Natal'ja V. CERNIKOVA

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8483>

DOI : 10.4000/monderusse.8483

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 janvier 2002

Pagination : 103-118

ISBN : 2-7132-1773-3

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Natal'ja V. CERNIKOVA, « Knjaz' V. P. Meščerskij i Aleksander III (istorija odnoj družby). », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 43/1 | 2002, mis en ligne le 01 janvier 2007, Consulté le 03 mai 2019. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8483> ; DOI : 10.4000/monderusse.8483

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_431&ID_ARTICLE=CMR_431_0103

Knjaz' V. P. Mescerskij i Aleksander III (istorija odnoj družby)

par Natal'ja V. CERNIKOVA

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2002/1 - Vol 43

ISSN 1252-6576 | ISBN 2713217733 | pages 103 à 118

Pour citer cet article :

— CERNIKOVA N., Knjaz' V. P. Mescerskij i Aleksander III (istorija odnoj družby), *Cahiers du monde russe* 2002/1, Vol 43, p. 103-118.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

НАТАЛЬЯ В. ЧЕРНИКОВА

**КНЯЗЬ В. П. МЕЩЕРСКИЙ
И АЛЕКСАНДР III
(ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ)**

Среди немногих имен, которые называют при упоминании о частной жизни Александра III, фигурирует имя известного редактора и издателя консервативного журнала *Гражданин* князя Владимира Петровича Мещерского (1839-1914), который пользовался в оппозиционных кругах устойчивой репутацией махрового реакционера, неумного, необразованного и к тому же замеченного в похождениях самого сомнительного свойства. Отношения их обросли множеством слухов, сплетен... Близость к императору столь скандальной личности воспринималась как некая странность, «слабость» самодержца. Это положение отразилось и на историографии проблемы, практически неоспариваемым долгое время источником для которой стали воспоминания гр. Витте¹, утверждавшего, что основной причиной подобных отношений было то, что обожавший своего старшего брата Николая великий князь Александр Александрович после его смерти «считал как будто бы своим нравственным долгом тем лицам, с которыми был дружен и близок цесаревич Николай, с своей стороны оказывать точно так же дружбу, внимание и привязанность»². И хотя Витте передает сведения о том далеком времени со слов их свидетеля — Победоносцева, — множество фактических ошибок в биографии Мещерского (не говоря уж о принципиальной субъективности *Воспоминаний* вообще³) заставляет очень осторожно относиться к этому источнику.

1. Его сведения о Мещерском использовались и более поздними мемуаристами (см., напр.: И. И. Петрункевич, «Из записок общественного деятеля: Воспоминания», *Архив Русской Революции*, т. XXI, М., 1993, с. 325), что в немалой степени способствовало их популяризации.

2. С. Ю. Витте, *Воспоминания*, т. 3, Таллинн-Москва, 1994, с. 548.

3. Помимо ряда опровержений отдельных приводимых Витте эпизодов, появившихся сразу вслед за выходом *Воспоминаний* Витте (см., напр.: Баян (И. И. Кольшко), *Ложь Витте. «Ящик Пандоры»*, Berlin; В. Гурко, «Что есть и чего нет в *Воспоминаниях* графа С. Ю. Витте», *Русская летопись*,

Еще одну версию причин столь непонятной для более поздних современников дружбы находим в воспоминаниях Е. М. Феокистова, начальника главного управления по делам печати, считавшего, что наследник сошелся с Мещерским, ухаживая за его родственницей, княжной Марией Элимовной Мещерской. Правда, и этот мемуарист, во время описываемых событий занимавший должность чиновника особых поручений при министре народного просвещения, явно пользовался информацией из вторых рук.

Конечно, как современников, так и историков личные отношения этих двух людей интересовали прежде всего в связи с тем влиянием, которое имел Мещерский на молодого Александра Александровича, и которое в какой-то степени сохранил и когда тот стал императором. Однако несмотря на неоднократные попытки определить истоки и степень этого влияния⁴, вопрос этот до сих пор остается нерешенным. Возможно, не в последнюю очередь потому, что все наши представления об отношениях Александра III и Мещерского до сих пор основывались на свидетельствах «извне», зачастую очень пристрастных. Между тем, существует довольно большой блок документов, раскрывающих эти отношения «изнутри» — через призму восприятия их непосредственных участников⁵. И это дает нам совсем иную картину.

Вопреки существующему мнению⁶, кн. Мещерский отнюдь не принадлежал к тому небольшому кружку детей из аристократических семей, которых по воскресеньям привозили для игр с сыновьями Александра II⁷.

кн. 2, Париж, 1992) здесь необходимо упомянуть специальное исследование их достоверности и объективности: Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, С. Ю. Витте — мемуарист, СПб., 1994.

4. См., например: А. П. Извольский, *Воспоминания*, Пг.-М., 1924, с. 170; I. Vinogradoff, «Some Russian Imperial letters to Prince V. P. Meshchersky», *Oxford Slavonic Papers*, 10, 1962, p. 105-108, 119-120; П. А. Зайончковский, *Российское самодержавие в конце XIX столетия: Политическая реакция 80-начала 90-х годов*, М., 1970, с. 74-75; В. М. Далин, «Последние Романовы и князь Мещерский», в кн.: *Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. Сборник статей памяти академика Владимира Михайловича Хвостова*, М., 1976, с. 285-287; W. E. Mosse, «Imperial Favourite: V.P. Meshchersky and the *Grazhdanin*», *The Slavonic and East European Review*, 59, 4, 1981, p. 530-534; А. С. Карцов, «Князь В. П. Мещерский: семейные связи», *Из глубины времен*, вып. 6, СПб., 1996, с. 131-133.

5. Это сохранившиеся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде Александра III его дневники за интересующий нас период (ф. 677, оп. 1, д. 298-305), а также многочисленные письма к нему Мещерского, как сохранившиеся в архиве (там же, д. 894, 895, 896, 897), так и опубликованные (I. Vinogradoff, *art. cit.*, p. 110-119; *ibid.*, 11, 1964, p. 101-110).

6. См., напр.: W. E. Mosse, *op. cit.*, p. 530. Сведения эти также восходят к *Воспоминаниям* С. Ю. Витте: см. его очерк «Князь В. П. Мещерский» (т. 3, с. 548).

7. Л. И. Шохин, «Из воспоминаний графа С. Д. Шереметева», *Вопросы истории*, 9, 1998, с. 173-174.

Знакомство его с молодыми великими князьями относится к 1861 г. Инициатива знакомства принадлежала императрице, которая передала с Мещерским письмо для своего старшего сына Николая, выразив при этом надежду на их возможную дружбу. Первое свидание было достаточно мимолетным, но деятельного князя это не остановило. Он знакомится с попечителем великих князей С. Г. Строгановым, начинает посещать воспитателя Николая Александровича О. Б. Рихтера. Расчет оказывается точен — зашедший к воспитателю наследник после часовой беседы приглашает Мещерского бывать у него. Князь не преминул воспользоваться приглашением. Уже к осени 1862 г. он занимал достаточно прочное положение в узком кругу наиболее приближенных к императорской семье лиц⁸. А в 1863, не попав в свиту отправившегося в путешествие по России цесаревича Николая Александровича, Мещерский близко сошелся с его младшим братом Александром, будущим императором Александром III.

Ранний период их взаимоотношений характеризуется зачастую ими самими в дневниках и переписке словом «дружба». Между тем, для наследника престола дружба — нечто почти недоступное: слишком много вокруг него людей небескорыстных, лично заинтересованных... Истинным другом для Александра был старший брат — цесаревич Николай. Но 12 апреля 1865 г. он умер, и заменить такого брата и друга, с которым все делил и от которого ничего не скрывал, — считал Александр Александрович, — не сможет никто⁹. Конечно, был еще брат Владимир, жена — «душка» Дагмар. Было придворное окружение. Но даже дружба с «милейшим И. И.» — графом Воронцовым-Дашковым не была отношениями равных. Да это было и невозможно. Дружба подразумевает, помимо духовной близости, еще и взаимопомощь, взаимовлияние (пусть и неосознанное), и потому на столь высоком государственном уровне неизбежно вызывает подозрения в корысти. И все же...

И все же какое-то, хотя и очень недолгое, время Мещерский действительно был другом Александра Александровича, другом в полном смысле этого слова. Именно так воспринимал его и сам цесаревич. Их отношения отличались задушевностью и простотой. Они вместе гуляли, читали стихи: Рыльева, Языкова, Гюго. Вместе готовились к занятиям: Мещерский помогал цесаревичу по государственному праву (преподаватель — К. П. Победоносцев) и финансам (преподаватель — Ф. Г. Тернер); запросто заходили друг к другу, и не раз Александр Александрович засыпал на полчаса у Мещерского на диване. Вплоть до женитьбы Александра (октябрь 1866 г.) и первые годы после нее Мещерский — частый, а зачастую и ежедневный гость и собеседник. Александр скучал, когда они не виделись несколько дней.

8. В. П. Мещерский, *Мои воспоминания*, т. 1, СПб., 1897, с. 189-190, 194, 195, 210-212, 239.

9. Дневник великого князя Александра Александровича. (Далее: Дневник). Запись 8 сентября 1865 г., ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 298, л. 73 об.- 74.

Пожалуй, князь Владимир Петрович был единственным, и то лишь в юности будущего государя, кто позволял себе называть молодого цесаревича по имени-отчеству, а не «Ваше Высочество», кто не был связан с ним отношениями субординации. С ним одним Александр Александрович был близок настолько, чтобы быть полностью откровенным, и для князя, как позже для жены, был открыт дневник наследника, считавшего, что его внутренняя жизнь интересует одного лишь Мещерского¹⁰.

В это время Мещерский был для цесаревича старшим товарищем, с которым можно поговорить, и поговорить откровенно, обо всем — от личных переживаний и линии поведения как наследника престола до выработки собственной позиции по отношению к различным государственным мужам, их деятельности и политической линии правительства вообще. На него можно было опереться в трудную минуту — в тяжелые после смерти брата дни Мещерский был тем, кто помогал освоиться с неожиданным и нежеланным положением¹¹, тем, в ком Александр нашел столь необходимую ему нравственную поддержку перед принятием присяги¹².

Несомненно, истоки этой дружбы надо искать в их теплых, дружеских отношениях еще при жизни цесаревича Николая¹³, в полной мере сохранившихся и после его смерти.

Именно такие отношения неизбежно сделали со временем из Мещерского — конфидента своего друга, влюбленного в фрейлину императрицы Марии Александровны, княжну Марию Элимовну Мещерскую, троюродную сестру князя Владимира Петровича. И именно с ним обсуждал Александр Александрович возможность своего отказа от престола ради женитьбы на предмете своей любви. И это несмотря на то, что самого Мещерского эта влюбленность приводила в отчаяние¹⁴, и он не раз высказывал другу свое мнение о даме его сердца как о пустой и бессердечной кокетке¹⁵. Была ли эта позиция Мещерского искренней, или он пытался таким образом оградить цесаревича от всего, что могло помешать великому предназначению наследника престола? Во всяком случае, вопреки широко распространенному в литературе мнению (в основе которого лежит приведенная в дневнике А. А. Половцова сплетня¹⁶), Александр Алексан-

10. Дневник. Запись 9 декабря 1865 г., *там же*, л. 130.

11. Дневник. Запись 26 июня 1866 г., *там же*, л. 171.

12. Дневник. Запись 20 июля 1865 г., *там же*, л. 44 об-45 об.

13. См., напр., упоминания Мещерского об Александре Александровиче в его письмах к цесаревичу Николаю Александровичу 28 июля, 20 августа и 27 ноября 1863 г. (Российский Государственный Архив Древних Актов — РГАДА, ф. 1378, оп. 2, д. 1, л. 4 об., 10 об., 12 об.).

14. См., напр.: Дневник. Записи 15, 18, 20 апреля, 6 и 13 мая 1866 г., ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 299, л. 32, 36, 41, 60, 68 и др.

15. Дневник. Запись от 15 марта 1866 г., *там же*, д. 298, л. 180 об-181; «Напутствие к журналу» кн. В. П. Мещерского для вел. кн. Александра Александровича [март 1866 г.], *там же*, д. 299, л. I-II.

16. А. А. Половцов, *Дневник государственного секретаря*, т. 2, М., 1966, Запись 8 мая 1889 г., с. 197.

дрович отнюдь не спускал Мещерского с лестницы за кражу его адресованных княжне Марии Элимовне писем. Это не подтверждается ни дневниками наследника, очень подробно описывавшего события каждого дня, ни историей их отношений. Правда, тогда упорное противодействие князя роману друга привело в конце концов к некоторому охлаждению, но состоявшееся вслед за тем примирение было полным, и Александр Александрович с благодарностью вспоминал помощь Мещерского в это сложное для себя время и признавал правоту князя в том, что все произошедшие с тех пор перемены (любовь и женитьба на Дагмар) — безусловное благо и благословение Божие¹⁷. Так что лишь изменившийся со времени женитьбы наследника распорядок жизни, оставлявший ему все меньше места для дружеских встреч, препятствовал прежней их интенсивности, и это касалось не только князя Владимира Петровича.

Гармония, однако, была недолгой, и виноват в этом был сам князь, для которого чисто личные отношения, столь ценные для цесаревича, все более и более отступали на задний план перед общением с ним именно как с наследником престола.

До 12 апреля 1865 года великий князь Александр Александрович был для Мещерского, да и не только для него одного, «чудной личностью», прекрасным человеком, с которым Мещерского связывали дружеские отношения, братом и другом Наследника Русского Престола... но в любом случае — человеком, предназначенным всегда оставаться на втором плане. И все последствия смерти цесаревича Николая были осознаны князем Владимиром Петровичем далеко не сразу. Только 28 мая, вернувшись с похорон, он делает в своем журнале следующую запись:

«[Александр Александрович] в первый раз как будто предстал пред мною в мыслях Наследником Русского Престола, с всем величием и страшною ответственностью своего положения: понимает ли он эту великую тайну так как понять должно — не знаю доселе, ибо не разу не проговорил он об этом слова.»¹⁸

Вопрос этот мучил не одного Мещерского, но в отличие от многих Мещерский мог реально повлиять на будущее. Фактически, он был поставлен перед выбором, как определял это несколько лет спустя, — «между дружбою к Вам как к человеку и дружбою как к будущему моему Государю»¹⁹, — и выбрал второе. Целью его отныне стало — сделать из совершенно не подготовленного к роли самодержца цесаревича великого государя²⁰, что предполагало вполне сознательное и постоянное влияние в двух

17. Письмо вел. кн. Александра Александровича кн. В. П. Мещерскому от 30 июля (10 августа) 1867 г., *Oxford Slavonic Papers*, 10, 1962, p. 113; то же от 20 апреля (2 мая) 1868 г., ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 649, л. 2 об. 3.

18. Письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу от 29 мая 1865 г., *там же*, д. 298, л. 2 об.

19. Письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу [между 6 (18) марта и 18 (30) апреля 1869 года], *там же*, д. 897, л. 2.

20. *Там же*, л. 7.

сферах: формирование личности и политическое воспитание. Задача облегчалась тем, что и сам Александр Александрович, чувствуя на первых порах свою неподготовленность к новому предназначению, но всеми силами души стремясь служить России, готов был довериться Мещерскому, тем более, что многое, о чем тот говорил, казалось цесаревичу вполне справедливым. Он записывает в 1865 году:

«Читал письмо к[нязя] В[ладимира] П[етровича], которое заставило меня много подумать о себе. Много правды он пишет, но не все. Мне надо переменить свои отношения к окружающим меня, я это сам чувствую, но трудно переломить себя.»²¹

Мещерский же как раз это внутреннее изменение и ставил своей целью, требуя постоянной сознательной работы над собой. При князе цесаревич следил за тоном, словами, за которые Мещерский не раз его бранил (например, за слово «нахальство»²²), в дневнике, пытаясь подражать Мещерскому, стремился по возможности больше «распространяться в своих суждениях и мыслях»²³. Последнее, правда, не получалось. Не хватало опыта в выражении мысли, привычки оперировать отвлеченными понятиями. Это не было недостатком одного Александра Александровича. Младших сыновей Александра II гладко говорить не учили. «Мы не привыкли правильно думать», отдавать себе отчет в своих мыслях, — запишет позже младший брат Александра Владимир²⁴. И князь Владимир Петрович, по мере сил, старался исправить такое положение вещей. «Боюсь очень князя Мещерского, — отмечал в дневнике 20-летний цесаревич, — который останется не доволен, что я так мало написал впечатлений и чувств, как он этого желает, но это только начало, продолжение может быть будет лучше»²⁵.

Все это была кропотливая, ежедневная (как и любое воспитание) работа. Долгие беседы, письма, записки, чтение дневников, и вообще постоянное присутствие князя ставили под контроль всю жизнь молодого цесаревича.

На первом этапе Александр Александрович действительно нуждался в подобной дружбе-руководстве. И влияние Мещерского было огромным. Он не только был одним из немногих, кто говорил с юным наследником о серьезных вопросах — «об моем положении, о моих мыслях, намерениях»²⁶. Он был одним из еще более немногих, к чьему мнению Александр прислушивался.

Другим способом «воспитания» было чтение журнала самого Мещерского. Князь записывал все интересные разговоры, анализировал их, давал

21. Дневник. Запись 4 июля 1865 г., *там же*, д. 298, л. 32 об.

22. Дневник. Запись 14 июня 1865 г., *там же*, л. 13.

23. Дневник. Запись 8 июня 1865 г., *там же*, л. 8 об.

24. Отрывки из дневника вел. кн. Владимира Александровича. Записи 8 и 9 февраля 1871 г., *там же*, ф. 652, оп. 1, д. 9, л. 4 об.-5.

25. Дневник. Запись 31 мая 1865 г., *там же*, ф. 677, оп. 1, д. 298, л. 3.

26. Дневник. Запись 17 июля 1865 г., *там же*, л. 42.

характеристики многим знакомым и просто известным Александру Александровичу людям, высказывал свои мысли по тому или иному конкретному событию²⁷, так что цесаревич имел весьма ценную им возможность узнавать много «полезного для самого себя»²⁸. Сначала Александра Александровича интересовало главным образом то, что говорят о нем самом. Мещерский быстро откликнулся на его просьбу, и чтение журналов стало для наследника занятием чрезвычайно интересным. «Вообще я очень доволен этой выдумкой князя читать взаимно свои журналы, потому что оно принесло мне много пользы»²⁹, записывал цесаревич в дневнике, и даже просил Мещерского поговорить о себе с тем или иным человеком с тем, чтобы потом изложить это в журнале³⁰.

Но наряду с этим, в частной жизни князь требовал чуть ли не аскезы. Извинения молодостью, которая бывает раз в жизни, не принимались. Устраивая вместо вечера тет-а-тет с чтением журналов ужин в компании, наследник рисковал недовольством своего друга. Примечательна следующая запись, сделанная после одного из таких вечеров 1865 года:

«В. П. ушел не дождавшись конца ужина и надулся на меня за то, что не мог читать со мной свой журнал. Впрочем это не новость, я привык к этому. За каждый проступок против него я бываю всегда тем же наказан.»³¹

Недовольство Мещерский высказывал и когда их обычная утренняя прогулка вокруг озера в Царском Селе бывала нарушена кем-то третьим, даже если это был брат цесаревича Владимир³². Позже, уже в 1869 году, он потребовал «отмены навсегда карточных вечеров, и исключение из списка Ваших близких человека столь недостойного этого звания: Кр[...]»³³. Эти «маленькие требования» выполнены разумеется не были, за что князь горько упрекал Александра Александровича. Вообще в том, что касается изменения поведения и характера своего друга-ученика, князь преуспел мало. Все чаще и чаще высказывал Александр несогласие с оценкой князем собственной личности. Мещерский «пишет сущую неправду и воображает, что хорошо меня знает и может давать советы, — записывал он 22 июня 1866 года, — Прочитав все, я так был раздражен, что разорвал все письма и

27. К сожалению, как и основная масса документов личного архива Мещерского, его дневниковые записи не сохранились. Тем не менее, мы можем составить представление о содержании этого журнала по так называемым «отрывкам из дневника», которые Мещерский с 1884 года регулярно посылал Александру III (ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 105-117).

28. Дневник. Запись 11 июня 1865 г., *там же*, л. 11.

29. Дневник. Запись 4 января 1866 г., *там же*, л. 143 об.

30. Дневник. Запись 27 января 1866 г., *там же*, л. 155.

31. Дневник. Запись 12 июня 1865 г., *там же*, л. 11 об.

32. Дневник. Запись 14 июня 1865 г., *там же*, л. 12 об.-13.

33. Письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу [между 6 (18) марта и 18 (30) апреля 1869 года], *там же*, д. 897, л. 3.

сжег их в камине»³⁴. Вскоре появляются первые записи о том, что Владимир Петрович начинает надоедать своей навязчивостью, «своими претензиями и вечными вопросами более или менее до него не касающихся»³⁵. Еще более резкое отношение встречал Мещерский в среде окружавшей цесаревича молодежи: его особая близость с наследником, постоянное морализаторство и некоторая заносчивость у многих вызывали неприязнь³⁶. Не мог не замечать этого и сам Мещерский.

«Надо мною смеются, многие ненавидят меня, всем окружающим Вас кроме 2-х-трех я ненавистен [...] Вы видели я брошен был В[ладимиром] Ал[ександровичем] как ошельмованный человек, Алексей Алекс[андрович] пречистосердечно сказал: терпеть не могу этих серьезных и благонаправных людей, говоря про меня.»³⁷

Но на все жалобы Мещерского наследник, принципиально старавшийся не вникать в непрекращавшиеся в придворных кругах интриги, отвечал молчанием.

Если в сфере личной жизни Александр Александрович мало помалу свел влияние Мещерского на нет, то авторитет князя в вопросах политических оставался непререкаем гораздо дольше. Многолетний опыт поездок по России в качестве чиновника особых поручений при министре внутренних дел и, как следствие, знание нужд и потребностей страны, ставили Мещерского в окружении молодого великого князя едва ли не в исключительное положение. Для наследника, а затем и императора, Мещерский с самого начала был источником незаменимой информации, ибо писал все и обо всем, считая своим долгом твердо следовать «обычаю все Вам рассказывать, что держится под спудом», как скажет он Александру III в 1887 г.³⁸. А недостаточная информированность, отсутствие практического опыта в высших правительственных кругах ощущалось многими. В том числе — молодыми великими князьями (в чем нельзя отрицать и влияния Мещерского³⁹). Наиболее емко выразил эту мысль в одном из своих писем тогда уже императору гр. И. И. Воронцов-Дашков:

34. Дневник. Запись 22 июня 1866 г., *там же*, д. 299, л. 123 об.-124.

35. Дневник. Запись 18 и 21 июля 1866 г., *Там же*, л. 155, 159.

36. С. Д. Шереметев, «Светлый взор его умел проникать в сердца людей. Воспоминания о дворе цесаревича», Публикация Л. Шохина, *Источник*, 2, 1998, с. 14.

37. Письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу, б/д, ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 897, л. 7-7 об.

38. Отрывки из дневника кн. В. П. Мещерского для Александра III [вторая пол. 1880-х гг.], *там же*, д. 105, л. 4.

39. См., например, I. Vinogradoff, *art. cit.*, с. 112, 114, 115; Письмо вел. кн. Александра Александровича кн. В. П. Мещерскому от 20 апреля (2 мая) 1868 г., ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 649, л. 2; Отрывки из дневника вел. кн. Владимира Александровича, ГАРФ, ф. 652, оп. 1, д. 9, л. 2 об.

«Вы стоите слишком высоко, слишком вне круговорота общественной жизни, чтобы Вам было возможно представить себе картину настоящего положения дел [...]. О настоящем положении России Ваше Величество составляете себе понятие из единоличных докладов Ваших Министров и из получаемых Вами анонимных писем; другого контроля у Вас нет, другого средства узнать истину Вы не имеете.»⁴⁰

Мещерский как раз и старался предоставить это «другое средство».

Но и в Петербурге князь постепенно все больше и больше замыкал на себя общение наследника с серьезными людьми. Уже в начале 1866 г. начинаются так называемые «маленькие вечера» у Мещерского, на которые он приглашал наиболее интересных наследнику (с его точки зрения) людей, и где время проводили в серьезных беседах о России, в том числе и о различных проектах, в обсуждении которых принимал в то время участие цесаревич⁴¹. Первый такой вечер состоялся 19 февраля 1866. Сначала это были 1,5 – 2-х часовые собрания, на которых, помимо цесаревича, присутствовали 2-3 человека — профессора, преподающие Александру Александровичу: К. П. Победоносцев, С. М. Соловьев, И. Е. Андреевский⁴². Идея понравилась, цесаревич охотно посещал собрания у Мещерского⁴³, а в его отсутствие в Петербурге не раз собирал тот же состав участников у себя⁴⁴. Вскоре эти вечера становятся более долгими и многолюдными. Состав их отличался разнородностью и непостоянством, что обуславливалось самим принципом подбора собеседников: в его основу были положены не столько их политические воззрения, сколько знакомство с практической жизнью, знания которой, по мнению Мещерского, так не хватало наследнику. Здесь бывали К. П. Победоносцев, кн. С. Н. Урусов, кн. Д. А. Оболенский, кн. В. А. Черкасский, гр. А. К. Толстой, Н. А. Качалов, Г. П. Галаган, М. Н. Катков и И. С. Аксаков (последние — когда приезжали в Петербург). Кроме того, князь приглашал заинтересовавших его приехавших в Петербург провинциальных общественных деятелей и чиновников. Но центром этого кружка «серьезных людей» (как называл своих гостей Мещерский, противопоставляя их завсегдатаям светских салонов) оставался сам князь Владимир Петрович. Определенное исключение представлял собой Победоносцев, как преподаватель, часто видевшийся с Александром Александровичем и помимо этих вечеров.

Со стороны Мещерского такое предприятие было скорее всего попыткой поставить на прочную основу свое влияние на формирование политического мировоззрения наследника. И, хоть и не на долго, старания князя

40. Письмо гр. И. И. Воронцова-Дашкова Александру III от 2 мая 1882 г., ГАРФ, ф. 677., оп. 1, д. 741, л. 104.

41. Например, проект городского устройства. См.: Дневник. Запись 15 (27) декабря 1869 г., *там же*, д. 303, л. 89 об.

42. Дневник. Запись 19 февраля и 10 марта 1866 г., *там же*, д. 298, л. 167 об., 178.

43. Дневник. Запись 29 января 1868 г., *там же*, д. 301, л. 114.

44. См.: Дневник. Запись 29 марта 1867 г., *там же*, д. 300, л. 75 об. и др.

увенчались успехом. Позже современниками, а затем и исследователями, влияние Мещерского будет расценено как явно реакционное (что вроде бы подтверждается и политикой императора Александра III). Однако подобная характеристика политических взглядов князя Мещерского не вполне правомерна.

В качестве доказательства реакционности Мещерского часто приводят его фразу в одном из писем 1871 года великому князю Александру Александровичу о необходимости выбора: «все потерять или все придавить». Вырванная из контекста, фраза эта действительно звучит как рекомендация, между тем как на самом деле является скорее предостережением против той самой реакции, в призыве к которой обвиняли Мещерского. Выработанная князем программа будущего царствования носила иной характер. Основой политики, декларировал Мещерский, должно быть

«объединение Государя с народом, отрицание сословных политических прав, а признание сословий только как частей земства, невмешательство в дела Европы, и твердое запрещение Европе вмешиваться в наши дела, развитие земств, и неуклонное распространение всех законов и учреждений на все окраины Государства, не исключая и Балтийской.»⁴⁵

Лишь такая политика спасет Россию от неизбежных в любом другом случае потрясений. В противном случае, предостерегал он, «без выбора Вам останется принять на себя задачу Николая I-го, то есть после 14-го Декабря, давить и тушить свободу, и идти на риск все потерять или все придавить»⁴⁶, тогда

«Вы не будете иметь другой силы, как сила карательная, и нет ни малейшего сомнения что уже тогда пойдут заговоры за заговорами, и Вам придется или уступить силе, что всегда опасно, или воцарить грозное управление Иоанна IV или Николая I в 1825 году, что в настоящее время тоже безусловно опасно, но что всего хуже быть всегда рабом доносов с одной стороны, и интриг Пруссии с другой.»⁴⁷

В письмах Мещерского этого периода постоянно встречаются апелляция к общественному мнению, положительная оценка Великих реформ, от противников которых он дистанцируется, призыв к опоре на земства и распространению последних в том числе и на западные губернии (что было сделано только в 1911 г.)⁴⁸, — все это мало сочетается с «реакционной» репутацией князя.

45. Письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу 24 марта 1871 г., *там же*, д. 895, л. 211 об.

46. *Там же*, л. 231-231 об. 14 декабря (ст. ст.) 1825 года — день восстания декабристов.

47. *Там же*, л. 212 об.

48. См., напр.: «Моя преданность Вам имеет и имела всегда одну основу: национальную политику...»: Письма кн. В. П. Мещерского цесаревичу

Политические взгляды Мещерского полностью укладывались в русло русского консерватизма, главной определяющей чертой которого (как и консерватизма вообще) является преемственность форм и норм в развитии государства (что отнюдь не означает отказа от этого развития). Эволюционизм — неизменная черта политической концепции князя, но даже такая позиция со временем приходила во все большее противоречие с радикализирующимися настроениями общества, склонного видеть «реакцию» в любой попытке спасти существующую авторитарно-самодержавную систему. По сути, вся публицистика Мещерского посвящена обоснованию необходимости остановиться, опомниться от либерального угара, соотносить вводимые преобразования с традиционным укладом русской жизни. Об этом писал он еще в 1872 г., в статье «Вперед или назад» — первой программной статье своего журнала *Гражданин*, принесшей ему славу «махрового реакционера», тянущего страну к порядкам Николая I. «В России не может быть движения назад, — заявлял Мещерский, — потому что [...] движение вперед стало жизнью, органическою потребностью России». Но чтобы оставаться историческим и органическим, служить развитию, а не ослаблению страны, движение это должно быть стройным и соразмерным силам государства, и руководствоваться потребностями всех, а не «капризами нескольких, кто бы они не были». «К реформам *основным* [курсив мой — Н. Ч.] надо поставить точку, ибо нужна пауза, пауза для того, чтобы дать жизни сложиться». В сущности, Мещерский заявлял здесь о своей центристской позиции. Долг гражданина, утверждал он, состоит не в том, чтобы кричать о свободе. «Лихорадочно скачущие вперед создают упорно-оттягивающих назад: и те и другие вне истины, вне России. России же нужна разумная середина, мир внутренний, мир безусловный»⁴⁹. Новое, неоднократно повторял он и впоследствии, должно развиваться исключительно на почве старых преданий и устоев, остающихся «в своей силе руководителя и регулятора жизненных отношений»⁵⁰. Такими устоями были для Мещерского самодержавие, патриотизм, чистое религиозное чувство, то есть та триада — православие, самодержавие, народность, — которая была сформулирована в 30-х гг. XIX столетия и стала политическим знаменем русского консерватизма. В третьей четверти XIX века эти положения разделялись подавляющим большинством образованного общества: и недаром среди участников собраний у Мещерского были частые посетители «морганатических вечеров» великой княгини Елены Павловны, в том числе видные деятели реформ.

Формировавшийся вокруг Мещерского кружок «людей правды и дела», как называл их сам князь, стал для будущего государя тем университетом, где выработалась основа его политических убеждений. Мещерский скажет потом: «В первые годы я почти сбратался с Вами мыслями, атома между

Александру Александровичу», подготовка текста и комментарии Н. В. Черниковой, *Исторический Архив*, 3, 2000.

49. В. П. Мещерский, «Вперед или назад», *Гражданин*, 2, 1872, с. 42.

50. «Речи консерватора», *Гражданин*, 26, 1899, с. 10-11.

нами не было различий»⁵¹. Такое единство во взглядах представляется вполне естественным — это было единство ученика и учителя. Однако на рубеже 1860-х – 70-х гг. оно имело и неприятную сторону: о цесаревиче заговорили как о стороннике и едва ли не члене оппозиционной партии. Несмотря на разнообразие лиц, приглашаемых на устраиваемые Мещерским для наследника вечера, основу формировавшегося вокруг Мещерского и наследника кружка составляли люди, оппозиционно настроенные проводимому с середины 60-х годов правительством курсу на усиление авторитарного правления и сужение самостоятельности. Со временем кружок Мещерского становится одним из центров формирования теории народного самодержавия — официальной идеологии двух последних царствований, — в основе которой лежала мысль о единении царя с народом (а не землей или земством), причем живой связью между ними должно было стать дворянство. К началу 70-х гг. XIX в. князь Мещерский уже уверенно говорил о себе и своих единомышленниках как представителях «твердого, русского начала, как государственной системы», сторонниках национальной, т.е. принадлежащей будущему царствованию, «противоположной нынешней», политики⁵². При этом пропагандируемая им программа подавалась как единственная, способная обеспечить счастье России, и потому наследник престола, будущий государь, исходя именно из государственных интересов, должен приложить все усилия, чтобы не попасть под влияние противной, Шуваловской, партии⁵³, но, наоборот, постоянно прислушиваться к тому, что говорят Мещерский и его сторонники⁵⁴.

Один из творцов и апологетов теории «народного самодержавия», главную беду России Мещерский видел во всемогуществе бюрократии. Именно с этой точки зрения приветствовал он «благодетельную судебную реформу» и оказавшееся «сродни русскому общественному строю» усиливавшее общественную роль дворянства земство⁵⁵. Соответственно, критике и осуждению в окружении Мещерского постоянно подвергались бюрократизация управления, махинации на высших ступенях иерархической лестницы, отсутствие ясно выраженной линии во внешней политике. В высказываниях Александра Александровича и его собеседников постоянно звучала критика П. А. Валуева («Виляева»), П. А. Шувалова (Петра IV), В. Н. Панина, А. М. Горчакова и других — именно как бюрократов, ставивших интересы ведомства выше интересов России. Примечательно, что

51. Письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу от 24 марта 1871 г., ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 895, л. 215 об.

52. Письма кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу от 28 декабря 1870 г. и 24 марта 1871 г., *там же*, л. 198 об., 211 об.; С. Д. Шереметев, «Светлый взор его...», указ. соч., с. 14.

53. См., напр.: Письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу от 24 марта 1871 г., ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 895, л. 213.

54. Письмо В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу от 1(13) июля 1871 г., *там же*, л. 235 об.-236 и др.

55. В. П. Мещерский, *Очерки нынешней общественной жизни в России*, вып. 1, СПб., 1868, с. 453, 449.

настроения эти, разделявшиеся широкими кругами русского общества⁵⁶, со временем все большее подтверждались собственным практическим опытом цесаревича.

Первые же его шаги на государственном поприще (а сделаны они были под руководством Мещерского) привели к столкновениям с некоторыми министрами, в частности — П. А. Валуевым, не принявшим вовремя мер для предотвращения голода 1868 г. Присутствие в Государственном совете и Комитете Министров столкнуло с злоупотреблениями при распределении железнодорожных концессий. Наследник пытался бороться, но тщетно. Александр II больше доверял своим министрам, чем сыну. Следствием была растущая оппозиционность цесаревича. В конце 60-х — начале 70-х в его письмах и дневниках все чаще появляются горькие нотки от невозможности исправить сложившееся в управлении государством положение дел⁵⁷. Причем оценка цесаревичем различных лиц и событий в этот период полностью совпадает с тем, что говорит и пишет ему князь Владимир Петрович⁵⁸.

Однако как бы не относился к провозглашаемой Мещерским «национальной» политике будущего Александр Александрович лично, как Наследник он должен был стоять вне партий, тем более к полному нейтралитету подвигали его и сложно складывающиеся отношения с Императором. Он все более и более сокращает свое общение с Мещерским, и чем больше становится давление последнего, тем больше начинает его избегать. В 1871 г. он (вопреки укоренившемуся в русской дореволюционной публицистике, а затем и в историографии⁵⁹ мнению) отказывает Мещерскому в просьбе денежной ссуды, необходимой для начала задуманного князем издания журнала *Гражданин*, и вплоть до восшествия на престол не меняет этой своей позиции⁶⁰.

56. См., напр.: А. Ф. Тютчева, *При дворе двух императоров*, Тула, 1990, с. 339; А. В. Никитенко, «Моя повесть о самом себе и о том, “чему свидетель в жизни был”», в: *Записки и дневник: 1804-1877*, т. 2, СПб., 1905, с. 443.

57. Письмо вел. кн. Александра Александровича кн. В. П. Мещерскому от 30 июля (10 августа) 1867 г., *Oxford Slavonic Papers*, 10, 1962, р. 113; Дневник. Запись 10 (23) марта 1869 г., ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 302, л. 136 об.

58. См., например, его характеристику земств как «одного из нужнейших и лучших учреждений, которое было сделано у нас». Письмо вел. кн. Александра Александровича кн. В. П. Мещерскому от 7 (19) июня 1867 г., *Oxford Slavonic Papers*, 10, 1962, р. 111. См. также: Дневник. Запись 12 января 1867 г., ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 300, л. 29-29 об.

59. Благодаря, главным образом, работам П. А. Зайончковского. См., напр.: П. А. Зайончковский, *Российское самодержавие в конце XIX столетия: Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов*, М., 1970, с. 75.

60. Письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу [март-апрель 1873 г.], ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 896, л. 313. О сложном финансовом положении журнала см. также: «Автобиография Г. К. Градовского (1888 г.)», в кн.: *Публицист-гражданин: Литературный сборник, посвященный памяти Григория Константиновича Градовского*, СПб., 1916, с. 7-8; В. А. Викторovich, «К истории одного объявления в *Гражданине*», *Достоевский: Материалы и исследования*, вып. 7, с. 197-199.

Не в малой степени причина такого отдаления крылась и в том, что цесаревич давно уже называл «странностями» Мещерского — его импульсивности, мнительности, ревности... и нескромности. Но если первые еще можно было терпеть, стараться не замечать⁶¹, то последнее было недопустимо. Сначала Александр Александрович попросил Победоносцева помочь ему поставить на место князя «который немного зазнался и делает иногда глупости так, что надо его иногда останавливать [...] иногда давать советы и вообще сказать ему, чтобы он держал себя поскромнее»⁶². Сам написал Мещерскому резкое письмо. Князь, заявил что все понял, и притих. Но не на долго.

В общем, можно сказать, что стремление Мещерского максимально опекать своего младшего товарища и стало началом конца дружбы. В письмах Мещерского поражает откровенное заявление претензии на влияние, даже требование этого влияния — во благо России — т.е. требование полного подчинения себе. Он писал цесаревичу:

«[Вы говорите, что у Вас твердый характер, но] если характер тверд, то и доверие твердо. Возьмите в Империи Государей с характером, Петра I, Екатерину II, Николая I; их доверие было неограниченно, этим то они столь были сильны! Возьмите наоборот, людей без характера, А[лександра] I-го например. Карамз[ин] говорил ему правду, он слушал, сочувствовал, но не смел довериться, и всегда не доверял людям честным.»⁶³

Наконец князь дошел до абсурда — требуя абсолютного влияния, он шантажировал цесаревича прекращением дружбы, которой придавал государственную значимость — именно из-за своего влияния на цесаревича⁶⁴. Этот странный силлогизм, оправдывавший становящиеся все более тягостными отношения, не смог убедить Александра. Набираясь опыта государственной деятельности, он все более и более осознавал себя соответствующим своему высокому положению. Постоянная опека его тяготила, наконец стала невыносимой, и весной 1873-го, в очередной раз поставленный перед дилеммой: или — или, Наследник выбрал свободу.

Это отнюдь не означало полного разрыва отношений. Мещерский (хоть и реже) продолжал писать цесаревичу письма и иногда даже получал краткие ответы. Но личной встречи, несмотря на неоднократные просьбы и намеки, Александр Александрович тщательно избегал. Быть может он опасался того, что Витте позже назвал «привязчивость князя Мещерского и уменье его влезть в душу»⁶⁵, и в конце концов счел за лучший выход пол-

61. Дневник. Запись 1 июня 1865 г., ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 298, л. 4 об.

62. Дневник. Запись 3 (15) мая 1869 г., *там же*, д. 302, л. 166.

63. Письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу [между 6(18) марта и 18(30) апреля 1869 года], *там же*, д. 897, л. 13-13 об.

64. См., напр.: *Там же*, л. 2 об, 3 об.; письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу от 1(13) июля 1871 г., *там же*, д. 895. л. 242 и др.

65. С. Ю. Витте, *Воспоминания*, т. 3, Таллинн-Москва, 1994, с. 550.

ностью оградить себя от общения с этим человеком, ни чего не просившим для себя лично, но ради дела способного требовать, и требовать немало...

Именно этим объясняется и стремление цесаревича удалить Мещерского от связанных с именем его как наследника престола проектов, в которых Мещерский, не занимая никакого официального поста и пользуясь лишь своим положением друга, играл не малую роль. Прежде всего это было издание Севастопольского сборника (воспоминаний участников обороны Севастополя)⁶⁶, идея которого пришла Мещерскому после рассказа Александра Александровича о своей поездке в Севастополь летом 1869 года и фактическим составителем и редактором которого был князь Владимир Петрович. Он сумел уговорить цесаревича оставить ему это поручение, аргументируя как тем, во-первых, что имя его нигде не упоминается, а передача дел другому лицу связана с неизбежными техническими сложностями, так и тем, во-вторых, что в противном случае он не сможет вернуть выданную ему на это издание достаточно большую ссуду в 18 тыс. рублей⁶⁷. Однако настоять на продолжении своего участия в другом проекте — организации Ремесленного Училища Цесаревича Николая, Мещерскому не удалось. После целого ряда лет, когда все дело находилось в его руках (он разрабатывал план будущего дома, подыскивал подходящее здание, а затем место для постройки в Петербурге, добивался соответствующего решения от городской думы, искал директора и раздумывал над учебным планом) князь, к недоумению сослуживцев, был полностью отстранен от дела. Опасаясь, что такая внезапность и отсутствие всяких объяснений сделает неизбежными сплетни о его финансовой нечистоплотности, Мещерский просил Александра Александровича позволить ему работать хотя бы рядовым членом там, где он так долго был руководителем⁶⁸. Но цесаревич остался непреклонен. Добавим, что опасения Мещерского в полной мере оправдались, и ходившие по гостиним сплетни, увековеченные недругом Мещерского Е.М. Феоктистовым⁶⁹, стали достоянием широкого круга историков.

Как мы видели, в рассмотренный период влияние Мещерского на молодого цесаревича действительно было очень велико, касаясь как сферы личного поведения, так, что гораздо важнее, и формирования его полити-

66. Полное название: *Сборник рукописей представленных Его Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами*, СПб., 1872. Во втором издании, вышедшем в трех томах, название было несколько изменено: *Рукописи о Севастопольской обороне, собранные Государем Наследником Цесаревичем*, СПб., 1876. Современное издание: *Севастопольские бастионы*, М., 1999.

67. Дневник. Запись 10 (22) ноября 1869 г., ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 303, л. 70; письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу от 2 января 1874 г., там же, д. 895, л. 281-281 об.

68. Письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу от 8 октября 1873 г., там же, д. 895, л. 261 об.-262.

69. Е. М. Феоктистов, *За кулисами политики и литературы*, Л., 1929, с. 244.

ческих убеждений. Не готовившийся к столь ответственной роли, Александр Александрович не обладал многими качествами и знаниями, необходимыми самодержцу, и на первых порах помощь Мещерского была принята им с радостью, но — именно как помощь друга. Так что причиной столь большого влияния Мещерского являлись, в первую очередь, личные его отношения с Александром Александровичем, установившиеся еще при жизни старшего брата последнего. Однако со временем чрезмерные требования и постоянные бестактности князя, мало считавшегося не только с множеством светских условностей, но и с существовавшей в правящих кругах расстановкой сил, усугубляемой трениями Александра II и наследника, — стали все более и более тяготить набравшегося опыта цесаревича. Мещерский же, по его собственным словам, то плакался, то выступал в роли самозванного советчика, то расточал упреки, то чуял интриги — и расходился до шквалов, пока один из них не превратился в ураган⁷⁰. В общем можно сказать, что стремление Мещерского видеть в своем друге будущего государя затмило постепенно их простые человеческие отношения, на которых единственно и строилось его столь ценное Мещерским влияние. Воспоминания и, особенно, письма Владимира Петровича полны описанием его переживаний. Но не меньше потерял и Александр Александрович. В конце 1870-го, когда хрупкое равновесие дружбы уже нарушилось, он жаловался Мещерскому на свое одиночество, на отсутствие друга, с которым можно было бы поговорить обо всем и попросить совета⁷¹ — на отсутствие такого человека, каким был некогда князь Владимир Петрович Мещерский.

*Институт Российской Истории РАН
Центр Истории России XIX в.
117036 Москва
ул. Дм. Ульянова, д. 19
ncher@land.ru*

70. В. П. Мещерский, *Мои воспоминания*, т. 2. СПб., 1898, с. 221.

71. См. об этом разговоре: письмо кн. В. П. Мещерского вел. кн. Александру Александровичу от 28 декабря 1870 г., ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 895, л. 198.